

Здесь открывался совсем иной вид. Бирюзовая гладь озера искрилась, отражая солнечные лучи. Блики света плясали на лице Чан Лэ, и Ноэль, засмотревшись, надолго лишился дара речи.

— Ну как, нравится? — спросил Чан Лэ.

Он сидел, болтая ногами, и улыбка, озарявшая его лицо, навсегда запечатлелась в памяти Ноэля — прекраснее этого зрелища он в жизни не видел. Очнувшись, Ноэль ответил мягкой улыбкой и кивнул:

— Очень красиво.

От взгляда Ноэля Чан Лэ вдруг стало жарко — казалось, в глазах мужчины заключено само солнце. Смутившись, Чан Лэ отвел взгляд на озеро. Легкий ветерок рябил воду, склонившиеся ивы едва заметно покачивались. Отражения их лиц на водной глади потеряли четкость. Ветер разбил зеркало озера, и сердце Чан Лэ, до этого спокойное, тоже тревожно дрогнуло.

Они сидели в тишине, наслаждаясь временем, принадлежащим только им двоим. Ноэль смотрел на Чан Лэ, а Чан Лэ — на воду.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда издалека донесся шум — к озеру потянулись другие отдыхающие. Только тогда Чан Лэ спохватился, что уже наступил полдень. Он спросил Ноэля, чего бы тому хотелось съесть.

— Может, сходим на хот-пот? — предложил Ноэль.

Чан Лэ удивленно вскинул брови. Ноэль, заметив это выражение, сразу понял, о чем тот думает.

— Что, странно слышать от меня такое предложение?

В его прищуренных глазах читалось озорство. Чан Лэ одарил его сердитым взглядом, прекрасно понимая, что над ним подшучивают.

— Просто мне казалось, что ты скорее выберешь какую-нибудь дорогую западную кухню, которой толком не наешься. А хот-пот — это еда, после которой сам пахнешь как специи, совсем не в твоём стиле.

Ноэль притворно задумался.

— Значит, именно таким ты меня видишь? Похоже, мы еще недостаточно хорошо узнали друг друга.

С этими словами он протянул руку и ущипнул Чан Лэ за щеки. Сжал он довольно крепко, так что кожа на лице Чан Лэ подалась в стороны.

— Отпусти! — пробормотал Чан Лэ, пытаясь разжать пальцы «мучителя».

Он изо всех сил пытался спасти свои щеки, но силы были неравны. Бедный Чан Лэ, поняв, что победить демона не удастся, сделал максимально страдальческое лицо. Натешившись, Ноэль наконец смиростивился и отпустил его. Чан Лэ отпрыгнул на десять метров, как перепуганный заяц, стремясь оказаться как можно дальше от своего обидчика.

По дороге к выходу из парка Чан Лэ злился все сильнее — оставлять это просто так он не собирался. Неизвестно, какая муха его укусила, но он в два счета догнал Ноэля. Не успел тот опомниться, как Чан Лэ схватил его за руку и со всей силы укусил. Он старался как следует, выжидая время, и в итоге на правой руке Ноэля остался глубокий след от зубов — достойная месть за ущипнутые щеки.

Ноэль был застигнут врасплох, но вместо боли пришло чувство досады, смешанной с весельем. Он подумал, что Чан Лэ невероятно мил: отомстил за обиду сразу, не откладывая в долгий ящик. Чан Лэ, изучая свой шедевр на руке Ноэля, остался вполне доволен результатом. Он похлопал мужчину по плечу и, фыркнув, зашагал прочь, оставив Ноэля в одиночестве созерцать отпечаток зубов.

Когда Ноэль подошел к стоянке, Чан Лэ уже ждал его у машины. Он приподнял подбородок, требуя открыть двери. Как только замок щелкнул, Чан Лэ юркнул на заднее сиденье, всем своим видом показывая, что намерен хранить молчание следующие десять минут. Почему именно десять? Конечно, потому что даже в гневе Чан Лэ не забыл о голоде и заранее включил навигатор. Он упрямо не произнес ни слова, лишь взглядом подгоняя Ноэля: мол, заводи машину, я умираю с голоду. Видимо, утренний завтрак был полностью израсходован во время прогулки, и теперь Чан Лэ был готов съесть целого слона.

Ноэль с улыбкой взглянул в зеркало заднего вида на Чан Лэ, который уже закрыл глаза, и завел мотор.

Приехав на место, Ноэль обернулся к заднему сиденью. Он тихо позвал Чан Лэ, но ответа не последовало — тот, судя по всему, уснул. Ноэль отстегнул ремень, перебрался назад и склонился над спящим. При тусклом свете можно было рассмотреть глаза Чан Лэ: под веками быстро бегали зрачки — должно быть, ему снился сон, хороший или плохой, было не разобрать. Ресницы слегка дрогнули, и Чан Лэ начал просыпаться.

Вокруг было тихо, и он понял, что они приехали. Чан Лэ удивился, почему Ноэль не разбудил его, и, открыв глаза, обнаружил, что тот находится совсем рядом. Он видел свое крошечное отражение в глазах мужчины. Испугавшись такого близкого соседства, Чан Лэ инстинктивно отпрянул назад. Ноэль поспешно подхватил его за голову, но из-за неудобной позы они оба повалились на бок, с грохотом ударившись о дверцу машины.

Чан Лэ быстро сел и схватил руку Ноэля, чтобы осмотреть ее. Помимо следа от зубов, кожа вокруг покраснела. Он погладил руку Ноэля и тихо пробормотал извинения.

Ноэль свободной рукой коснулся затылка Чан Лэ:

— Головой не ударился? Если отобьешь себе ум, мой Лэ Лэ станет глупеньким.

Чан Лэ, чувствуя тепло его ладони, не удержался от ответа:

— Ничего подобного! Это ты глупый! То есть нет, ты большой злодей! Только такие злодеи, как ты, лезут к людям так близко, чтобы напугать!

— Но я же пострадал, посмотри, — Ноэль протянул руку к лицу Чан Лэ, пытаясь выглядеть несчастным. — Видишь, тут даже твои зубы отпечатались. Лэ Лэ, разве ты не пожалеешь меня? Я ведь принял удар на себя, простишь меня?

Затем Ноэль взял руку Чан Лэ и нежно поцеловал ее тыльную сторону. Глядя на него снизу вверх, он искренне добавил:

— Лэ Лэ простит меня, правда?

Чан Лэ был побежден бесстыдством этого человека. Ноэль прекрасно знал свои сильные стороны, и, видимо, откуда-то прознал, что Чан Лэ совершенно беззащитен перед его красотой. Тот, кто всегда поддавался на ласку, но не на силу, в этот раз окончательно капитулировал.

Боясь, что Ноэль заметит, как дрогнули его губы, Чан Лэ прикрыл лицо ладонью. На коже еще ощущалось прикосновение губ Ноэля, и он невольно задумался, каково это — целоваться. Чан Лэ решил, что его сопротивляемость определенно выросла: он даже может позволить себе подобные мысли, пока его пытаются соблазнить. Сам того не осознавая, Чан Лэ покраснел до кончиков ушей — Ноэль подумал, что если прикоснуться к ним, они наверняка будут горячими.

Чан Лэ попытался взять себя в руки и, не глядя на Ноэля, буркнул в сторону окна:

— Ладно... прощаю. Больше чтобы такого не было.

— Спасибо, Лэ Лэ, за твое великодушие.

Ноэль первым вышел из машины и протянул руку, приглашая Чан Лэ.

— Ну что, великодушный господин Лэ Лэ, не пора ли нам пообедать?

Напоминание о еде заставило желудок Чан Лэ сжаться. Он схватил Ноэля за руку и потащил в сторону ресторана, боясь, что если замешкается хоть на секунду, то умрет от голода.

Ноэль позволил себя тянуть. Глядя на спину Чан Лэ, освещенную ярким солнечным светом, он вспомнил ту руку, что когда-то протянулась к нему в темноту, вытащила из трясины и повела за собой к свету.

После сытного обеда настроение и запас сил Чан Лэ были восстановлены до максимума.

— Ну что, теперь остаток дня слушаешься меня? — спросил он.

Ноэль посмотрел на сияющие глаза Чан Лэ, вытер рот салфеткой и согласно кивнул.

<http://bllate.org/book/22222/2318857>